

по крайней мѣрѣ не видно, гдѣ уже никакая «техническая задача» по-видимому не разрѣшается? Вотъ именно **этимъ** — отсутствіемъ бю-щихъ въ глаза «пріемовъ». Ничего специфически «поэтическаго», сло-ва **самыя** «обыкновенныя», но и никакой нарочитой простоты; все по-нятно во всѣхъ отношеніяхъ и не вызываетъ никакого вопроса насчетъ того, въ какомъ отношеніи «второй смыслъ», или «чистая поэзія», на-ходится въ этихъ стихахъ къ «первому», логическому. Строго говоря, это качества, которыя являются элементарнымъ условіемъ художествен-ности. Но мы приучены къ другому искусству, воспріятіе котораго до-ставляетъ удовольствіе того же, должно быть, рода, какое испытывали посвящаемые въ масонство или въ древнія таинства, — гордость отъ сознанія, что сидишь на пиру боговъ, соединенную со смущеніемъ отъ убѣжденія въ собственномъ ничтожествѣ. Стихи Оцула хороши тѣмъ, что никакихъ, постороннихъ воспріятію ихъ, ощущений они не вызы-ваютъ; тѣмъ, что то, что въ нихъ выражено — медленная, очень серь-езная, внутренняя работа человѣка, смущенно и благоговѣйно всматри-вающегося и вслушивающегося во въ немъ самомъ и внѣ его трепещущую Жизнь, — на насъ непосредственно дѣйствуетъ, — причѣмъ **объяснить, почему** это, выраженное такъ, какъ оно выражено, дѣйст-вуетъ, нельзя; между тѣмъ какъ все таки ясно, что, если бы эти стихи «перевести» въ прозу, то дѣйствія бы не было, — такъ что «чистая поэ-зія» здѣсь, очевидно, есть но гдѣ и **въ чемъ**, — это какъ-то скрыто. Одно лишь можно подмѣтить: скупость на общепринятія средства ху-дожественной выразительности. Потому-то, вѣроятно, неожиданно какъ-бы вырывающийся у Оцула «образъ», «сравненіе» и т. д. дѣйствуетъ съ неотразимой убѣдительностью: ... твоихъ березокъ хубоба («Приро-дѣ», *Совр. Зап.* XXX); ... радіо, надъ Океаномъ безшумно пробѣгающій паукъ... (Въ Дыму, стр. 68). Надо прибавить, что «простыя» и «обык-новенныя» слова, въ лучшихъ стихотвореніяхъ Оцула, всегда и очень точны и вполне новы. Вообще же, читая стихотворенія Оцула, о его словарь, о его ритмикѣ, «инструментовкѣ» и о прочемъ, не думаешь: продѣлываешь вмѣстѣ съ нимъ, повинаясь ему, его внутреннюю рабо-ту и — только. Его стихи — не болѣе какъ медіумъ между нимъ и чи-тающимъ. Они вполне, такъ сказать, **прозрачны**, ихъ какъ-будто не видно. Символь «адекватенъ» тому, что онъ символизируетъ, и до «не-го самого» намъ уже негдѣ дѣла. Не значить-ли это, что задача поэта выполнена Оцуломъ до конца?

П. Бицилли.

Н. Н. Алексеев. *На путяхъ к будущей Россіи (Советскій строй и его политическіе возможности).* — Евразійское Книгоиздательство. Париж.

Пространная брошюра проф. Алексѣева вышла въ серіи евразійскихъ изданій. Это, конечно, случайность. Если судить по содержанію брошюры, **ее** могли бы выпустить съ одинаковымъ успѣхомъ для своего дѣла и фашисты, и монархисты, кирилловскаго толка, и даже лѣвые эсъ-эры,

— соблазнившись о совѣтской системѣ еще въ ту пору, когда, въ дружбѣ и въ любви съ большевиками, они воздвигали эту самую систему.

Ничего специфически евразійскаго въ брошюрѣ Алексѣева нѣтъ. Нельзя же считать таковыми одно лишь упоминаніе объ «индійскомъ царѣ Ашокѣ (около двухъ съ половиной ст. до Р. Х.)» и «нашихъ заволжскихъ старцахъ, во главѣ съ Ниломъ Сорскимъ», которые задолго до западныхъ Деклараций правъ человѣка и гражданина провозгласили полную свободу духовныхъ исканій и духовной жизни. Въ книжкѣ Алексѣева нѣтъ положительныхъ утвержденій евразійцевъ. Въ ней имѣются лишь нѣкоторыя изъ тѣхъ отрицательныхъ сужденій, которыя, въ отгалкиваніи отъ такъ называемой формальной демократіи, роднятъ евразійство съ фашистами, монархистами всѣхъ толковъ и временъ, съ лѣвыми эсъ-эрами и коммунистами.

Больше того. У Алексѣева нѣтъ никакой «идіосинкразіи» ни къ идеѣ, ни къ термину «демократія». Онъ рѣшительно выговариваетъ и свободно оперируетъ, наряду съ понятіемъ демократіи, — съ правомъ, правовымъ государствомъ, «сферой основныхъ правъ индивидуума и группы» и т. п. Повидимому, Алексѣевъ отошелъ отъ своихъ, сравнительно не очень давнихъ, тоже по-революціонныхъ, позицій, на которыхъ, наперекоръ «всему міру», охваченному «безуміемъ демократизма», онъ предрекалъ: «Придетъ время и міръ оцѣнитъ положительную силу антидемократическихъ, скажемъ прямо реакціонныхъ теорій. Мы убѣждены въэтомъ, такъ какъ знаемъ (!), что въ нихъ лежитъ подлинное творческое начало всякой государственности». Теперь Алексѣевъ столь же аподиктически «знаетъ» другое, онъ вѣруетъ и исповѣдуетъ уже не антидемократическія и реакціонныя начала, онъ вѣруетъ и исповѣдуетъ евразійско-совѣтскую демократію, — «скажемъ прямо», на нашъ взглядъ, не менѣе ложную и вредоносную, чѣмъ откровенную реакцію.

Алексѣевъ свысока третируетъ всѣхъ «лекарей» русской болѣзни-революціи: «доморощенныхъ знахарей», «бабъ-заговорщицъ», совѣтскихъ, эмигрантскихъ, социалистовъ, демократовъ, монархистовъ умѣренныхъ, неумѣренныхъ, всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ... Самъ онъ озабоченъ «проблемой организациі правильно построеннаго демократическаго государства». Онъ за право, за миръ, за демократію, — которая «безспорно лучше аристократіи и абсолютной монархіи въ томъ смыслѣ, что она отрицаетъ личный режимъ и создаетъ условія для оцѣнки правящихъ по признакамъ чисто объективнымъ», — за республику (конечно, въ широкомъ смыслѣ слова). Онъ за управленіе «на началахъ социальнаго служенія и жертвенности, а не на началѣ личной пользы властвующихъ», даже за освобожденіе человѣка отъ капиталистической эксплуатаціи и рабства и противъ привиллегій рожденія и имущества, противъ взгляда на собственность, какъ на «какую-то священную вещь».

Не надо, однако, умиляться возвышеннымъ стремленіямъ Алексѣева, какъ не слѣдуетъ обольщаться его наукообразіемъ, полнымъ всякихъ оговорокъ, но не чуждымъ и правильныхъ сужденій. Не въ нихъ главная сила и смыслъ брошюры. И «все высокое и все прекрасное», и наука въ аргументаціи Алексѣева — лишь орудія и средства по отношенію къ главному и центральному. Этотъ центръ и упоръ всей работы—въ апологіи

совѣтской системы (идеи «опосредственной демократіи» въ формѣ совѣтовъ), частично въ согласіи съ коммунистическими апологетами, а большею частью — *противъ* коммунистовъ, якобы исказившихъ «правду» совѣтскаго строя.

Оказывается — «учрежденіе совѣтовъ дало оружіе для освобожденія отъ коммунистическаго гнета въ руки самому русскому народу... Совѣты суть тѣ лабораторіи, въ которыхъ вырабатывается подборъ истинно «дѣловыхъ» людей, истинной соли земли русской, фундаментъ для построенія будущей народной Россіи. Это — уже не «глиняныя» ноги громаднаго русскаго великана, это — настоящій гранитъ, который не сможетъ разрушить никакая сила» (стр. 65). «Русскій народъ долженъ понять, что совѣты — его народное дѣло, и что, въ сущности, въ совѣтахъ лежатъ всѣ судьбы его родины... Словомъ, нѣтъ Россіи безъ совѣтовъ» (стр. 66).

Въ этомъ своемъ восторженномъ отношеніи къ совѣтамъ Алексѣевъ можетъ конкурировать только съ лѣвыми эсъ-эрами. Совѣтскіе «дурачки», какъ называлъ Ленинъ своихъ незадачливыхъ сотрудниковъ по строительству совѣтовъ, тоже видѣли въ «славномъ имени совѣтовъ» вѣнецъ чело-вѣческаго творчества. Коммунисты были трезвѣе, и болѣе изъ нихъ добросовѣстные отзывались о совѣтахъ совсѣмъ иначе. Алексѣевъ знаетъ эти отзывы, но, задѣлавшись евразійцемъ, онъ уже не помнитъ имъ же самимъ приводившихся извлеченій изъ коммунистическихъ изданій «Власть Совѣтовъ», «Волисполкомы и сельсовѣты по даннымъ Ц. К. и НКРКИ» и др. Эти отзывы рѣшительно опровергаютъ представленіе о совѣтахъ, какъ лабораторіи народнаго самоуправленія, въ которой происходитъ отборъ истинно-дѣловыхъ людей. Они свидѣлствуютъ объ обратномъ: о томъ, что сельскіе совѣты работаютъ «не съ населеніемъ, а для населенія»; работа ихъ «казенная», «декоративная»; обычно сельскій совѣтъ олицетворяется въ лицѣ, напоминающемъ стараго сельскаго старосту; сельскіе совѣты состоятъ въ громадномъ числѣ случаевъ изъ одного предсѣдателя; населеніе обычно въ работахъ сельсовѣта никакого участія не принимаетъ: сельское самоуправленіе обнаруживаетъ полную бездѣятельность въ подлежащей его вѣдѣнію сферѣ или, сравнительно рѣже, дѣятельность дефектную, слабую, случайную и т. д. (См. *Мыслные органы СССР по новѣйшему законодательству и новѣйшей практикѣ* въ вып. IV «Трудовъ общества для изученія городского самоуправленія въ чехословацкой республикѣ», 1927 г.). Это говорится о *первичной* «органической клѣткѣ» совѣтскаго государства — о сельскомъ совѣтѣ. Жизненность болѣе высокихъ и сложныхъ «клѣтокъ» еще менѣе походить на жизнь самоуправляющагося народа. Высшія совѣтскія клѣтки менѣе другихъ пригодны служить «оружіемъ для освобожденія отъ коммунистическаго гнета» русскаго и всѣхъ иныхъ народовъ. Не въ евразійскомъ изданіи, а въ упомянутой только что статьѣ Алексѣевъ правильно характеризуетъ децентрализованный «властный аппаратъ совѣтовъ», какъ «систему разрозненныхъ сатрапій, въ которой, вмѣсто сатраповъ единоличныхъ, управляютъ сатрапы коллегіальныя — исполнительныя комитеты».

Объективный смыслъ работы проф. Алексѣева въ томъ, что она вновь

вскрываетъ духовное родство и внутреннюю политическую близость двухъ казалось бы противоположныхъ фланговъ русской общественности. А въ политикѣ, какъ извѣстно, не столь существенны тѣ конечныя цѣли, во имя которыхъ пріемиются и одобряются тѣ или иныя средства и мѣры, какъ самыя эти мѣры и средства. Не столь существенно различіе въ благихъ цѣляхъ у коммунистовъ и евразійцевъ, сколь — ихъ схожесть въ положительной оцѣнкѣ совѣтской системы, въ пріятіи формъ и методовъ совѣтскаго управленія. Не важно различіе въ «царствіяхъ», о которыхъ хлопочуть и въ которыя хотять вогнать коммунисты и евразійцы. Важно, что одни, какъ и другіе, считаютъ необходимымъ, возможнымъ и желательнымъ куда-то насильственно *гнать и вгонять* третьихъ, ставшихъ или подлежащихъ стать ихъ подвластными.

Большевики сразу и съ самаго начала оцѣнили преимущества, которыя для ихъ методовъ соціального устройенія представляеть совѣтская государственность. Теперь тѣ же, заложенныя въ самой природѣ совѣтовъ свойства и возможности стали объектомъ вожделнія евразійцевъ. Но евразійцы, и среди нихъ въ первую очередь Алексѣевъ, не имѣютъ мужества взглянуть, подобно коммунистамъ, совѣтской системѣ прямо въ глаза, принять вытекающіе изъ совѣтовъ выводы до конца. Алексѣевъ хлопочеть о преобразованіи совѣтскаго государства въ правовое, прекраснодушнo мечтаетъ о хорошихъ совѣтахъ безъ скверныхъ коммунистовъ, повинныхъ между прочимъ и въ томъ, что они извратили по существу благіе совѣты. При этомъ вмѣсто доказательствъ Алексѣевъ ограничивается доводомъ общаго порядка, тѣмъ, что отъ непримиримости съ началами права, законмѣрности и т. д. нынѣ дѣйствующей системы совѣтовъ нельзя заключать къ непримиримости съ этими началами совѣтской системы вообще.

Однако достаточно вдуматься въ то, что живить и приводить въ движеніе всю систему, вокругъ чего все — отъ лишенія гражданскихъ свободъ и до открытой подачи голосовъ — вращается въ СССР, чтобы увидѣть въ диктатурѣ ВКП *spiritus rector*, приводной ремень ко всему совѣтскому механизму, его начало и конецъ, съ когорой стоитъ и падаетъ вся система. Диктатура коммунистической партіи можетъ быть замѣнена диктатурой другой, тоже одной партіи. На мѣсто ВКП можетъ притти любезный сердцу Алексѣева *ЕПС* (евразійскій правящій слой), но, пока будутъ совѣты, не можетъ не быть диктатура, и, только при наличности диктатуры *одной* партіи, можетъ существовать и дѣйствовать совѣтская система.

Самъ Алексѣевъ отлично понималъ это до своего внезапнаго озаренія евразійскимъ свѣтомъ, заставившимъ его искать новыхъ горизонтовъ непременно на востокъ и даже въ совѣтскомъ строѣ открыть новыя «политическія возможности». Совсѣмъ еще недавно и Алексѣевъ утверждалъ, что дѣйствіе всей совѣтской системы «обусловлено отсутствіемъ политическихъ партій или еще точнѣе, диктатурой одной партіи. Достаточно представить, что на мѣсто этой диктатуры установится свободная борьба различныхъ партійныхъ интересовъ, — и существованіе совѣтскаго строя становится очень затруднительнымъ». Я бы сказалъ, — становится совершенно невозможнымъ. Опровергъ ли Алексѣевъ свой

прежній взглядъ? Попробоваль ли онъ доказать, что совѣтскій строй можетъ дѣйствовать и при отсутствіи диктатуры одной партіи?... Нѣтъ, онъ этого не доказалъ и не пробовалъ доказывать, ибо самоочевидно, что совѣты и правовое государство, свобода и совѣты — вещи несовмѣстныя и полярно-противорѣчивыя. Взамѣнъ какихъ-либо доказательствъ Алексѣевъ довольствуется вознесеніемъ славы Богу за то, что въ Россіи населеніе еще не раздроблено на партіи. Изъ непримиримаго же противорѣчія между совѣтами и правомъ онъ пытается выйти различіемъ совѣтской демократіи и совѣтской диктатуры, — различіемъ мнимымъ, даже словесно не точнымъ, помимо того, что и реально имъ не покрываются ни различныя понятія, ни различныя вещи.

Сочетанія совѣтской диктатуры съ демократіей Алексѣевъ достигаетъ путемъ *смягченія* и диктатуры, и демократіи. Онъ считаетъ неправильнымъ говорить о совѣтской системѣ, какъ о недемократической, ибо — «она вся построена на избирательномъ началѣ». Съ другой стороны, диктатура — неотдѣлима отъ всякаго государства и «совершенно правильно говорить о диктатурѣ въ демократіяхъ европейскаго тина», ибо въ идеѣ диктатуры «таится одна, совершенно справедливая и весьма важная для политика мысль: во всякомъ государствѣ, какое когда-либо существовало въ исторіи и которое когда-либо будетъ существовать, всегда былъ и будетъ нѣкоторый естественно создающійся правящій отборъ, или нѣкоторая *правящая группа*, несущая на плечахъ своихъ бремя государственной власти»...

Смягчаются авторомъ и другія проявленія совѣтской системы. Онъ ни словомъ не упоминаетъ о характерномъ для совѣтскаго строя открытомъ голосованіи, коимъ власть «исправляетъ» всѣ непредвидѣнные ею дефекты своей системы. Онъ, правда, упоминаетъ о «настоящихъ фокусахъ, вродѣ тѣхъ, которые показываются въ циркахъ», и которые обычны при дѣйствіи совѣтскаго избирательнаго права, когда при 90% некоммунистовъ на низшихъ, для власти менѣе важныхъ ступеняхъ выборовъ, на болѣе высокихъ ступеняхъ процентъ некоммунистовъ «снижается» до 10, а число коммунистовъ, наоборотъ, поднимается до 90%. И тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что «совѣтская многостепенная избирательная система» *въ принципѣ* «имѣетъ въ виду постепенно провести на государственные верхи истинно дѣловыхъ людей съ государственныхъ низовъ». Такъ продолжая утверждать, что политика коммунистовъ не находитъ оправданія, Алексѣевъ постепенно, можетъ быть незамѣтно для самого себя, оправдываетъ не только совѣтскую систему, но вмѣстѣ съ нею и коммунистовъ, находя, что они «во многомъ *принуждены были* поступать такъ, какъ поступила бы каждая партія, очутившаяся длительно у власти въ періодъ остраго революціоннаго процесса» (стр. 49. — Подчеркнуто Алексѣевымъ).

Тѣ откровенія, которыя проповѣдуетъ нынѣ Алексѣевъ, задолго до него были высказаны Ленинымъ.

Ленинъ тоже допускалъ, что совѣтское, ограниченное избирательное право можетъ быть расширено до предѣловъ всеобщаго, т. е. вмѣсто классоваго можетъ стать общегражданскимъ. «Было бы ошибкой заранѣе ручаться, что грядущія пролетарскія революціи въ Европѣ непремѣнно,

всѣ или большинство, дадутъ ограниченіе избирательнаго права для буржуазіи, — писалъ Ленинъ въ «Пролетарской революціи и ренегатъ Каутскій». Это можетъ быть..., но это *необязательно* для осуществленія диктатуры». И предвосхищая евразійцевъ, Ленинъ говорилъ о «національно-особомъ, а не общемъ вопросѣ диктатуры», объ «особыхъ условіяхъ русской революціи, особомъ пути ея развитія», о совѣтахъ, какъ «русской формѣ пролетарской диктатуры». А ученики Ленина, Бела Кунъ, Павловичъ и т. п., опираясь какъ разъ на эти слова учителя, доказывали «народамъ Востока» (на съѣздѣ въ Баку), что «идея совѣтской организаціи можетъ быть примѣнена не только къ пролетарскимъ, но и къ феодальнымъ и полуфеодальнымъ отношеніямъ».

Ленинъ, съ Бела Куномъ и Павловичемъ и соблазнили Алексѣева... Увидѣвъ въ Ленинѣ «перваго неофициальнаго русскаго монарха въ совѣтской Россіи», бывший реакціонеръ и антидемократъ, не долго задумываясь, поставилъ общій вопросъ: «Не целесообразнѣ ли единоличное начало ввести не подъ сурдинку, не путемъ незаконнымъ и противоконституціоннымъ, но откровенно дать ему законодательное конституціонное признаніе?» И отвѣтивъ утвердительно на этотъ вопросъ, высказавшись въ пользу «учрежденія въ государствѣ *легальной единоличной власти*», которое «всегда является нѣкоторымъ преимуществомъ», Алексѣевъ заключилъ: «цѣлесообразно требовать, чтобы въ совѣтскомъ государствѣ было признано также и единоличное, монархическое начало, наряду съ началомъ демократическимъ (совѣты) и началомъ олигархическимъ (организація правящей группы)!...» (Стр. 71). Какъ произойдетъ такая нелѣпница, сочетаемая только на словахъ и только безответственными устами, евразійскій политикъ, совсѣмъ вплотную подходящий въ этомъ пунктѣ къ императору Кириллу, — впрочемъ, и самъ не знаетъ. И скромно отступая на демократическую позицію, онъ уклончиво замѣчаетъ: «пускай рѣшитъ это уже самъ русскій народъ!»...

Алексѣевъ успокаиваетъ читателей, — что онъ еще не пишетъ будущей конституціи государства, а пока что только намѣчаетъ «тѣ общія линіи, по которымъ она можетъ быть построена въ преобразованномъ совѣтскомъ государствѣ». Контуры грядущаго совѣтскаго государства вырисовываются Алексѣеву «примѣрно въ той формѣ, въ какой оно представлялось русскимъ преобразователямъ и, въ частности, М. М. Сперанскому».

Въ утвержденіи, что «совѣтская система имѣетъ свое нѣкоторое предвосхищеніе» въ проектѣ государственнаго преобразованія Сперанскаго, Алексѣевъ несомнѣнно оригиналенъ и самобытенъ. Здѣсь его личное творчество, можно сказать, достигаетъ высшей точки. Ибо если до Алексѣева лѣвые эсъ-эры выводили генеалогію совѣтовъ «изъ привычныхъ русскому народу, знавшему когда-то вѣчвое устройство, формъ мірскихъ сходовъ», то по Алексѣеву — «при снятіи (?) монархическаго принципа изъ системы Сперанскаго и выходитъ то, что дѣйствуетъ нынѣ въ Россіи въ видѣ системы совѣтовъ» (стр. 59)... Серьезность своего историческаго и государственно-правового открытія авторъ подчеркиваетъ курсивомъ.

Мы не станемъ здѣсь доказывать его абсурдность. Открытіе Алек-

сѣва стоитъ открытія лѣво-эсеровскихъ Колумбовъ. Мы ограничимся вопросомъ: если искренно считать «глубоко-утопичнымъ» и «въ высшей степени мало-вѣроятнымъ», чтобы такая огромная революція, какъ русская, кончилась простымъ возвращеніемъ къ пункту, отъ котораго она началась», — то можно ли считать неутопичнымъ и вѣроятнымъ, чтобы русская революція кончилась еще болѣе далекимъ и глубокимъ возвращеніемъ вспять, на сто съ лишкомъ лѣтъ назадъ? И не бессмысленно ли въ такомъ случаѣ восхвалять архаическія «дней Александровыхъ прекрасныя начала», причудливо отождествляемыя съ идеальной «системой совѣтовъ»?...

М. В. Вишнякъ.

Russia by Nicolas Makeev & Valentine O'Hara with introduction by The Right Honorable H. A. L. Fisher M. P.

«Я не думаю, чтобы со времени появленія знаменитой книги сэра Дональда Макензи Валласа о Россіи, т. е. съ 1887 г., былъ напечатанъ на англійскомъ языкѣ трудъ о русскихъ дѣлахъ болѣе серьезный, чѣмъ книга Макѣева и О'Гара»...

Такъ говоритъ въ предисловіи къ книгѣ Макѣева и О'Гара одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ англійскихъ профессоровъ исторіи и бывш. Министръ Народнаго Просвѣщенія Англии Г. А. Л. Фишеръ, подъ редакціею котораго выходитъ въ Англию въ изд. Эрн. Беннъ серія книгъ подъ общимъ названіемъ «Современный Міръ» — обзоръ историческихъ силъ въ различныхъ современныхъ государствахъ. Составленіе каждаго отдѣльнаго тома поручено редакторомъ авторамъ, имѣющимъ крупное имя въ смыслѣ знанія той или другой страны. До сихъ поръ вышли тома посвященные Ирландіи, Германіи, Норвегіи, Россіи, Англии и Индіи. Подготавливаются къ печати: Франція, Америка, Аргентина, Чили, Иракъ, Турція.

Уже то немногое, что сказано выше, даетъ право ожидать, что въ книгѣ Макѣева мы найдемъ любовный трудъ о Россіи — продуманный и прочувствованный. Какъ мы увидимъ ниже мы не будемъ обмануты въ этихъ нашихъ надеждахъ. Книга эта однако интересна не только по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Не менѣе интересна для насъ русскія она по тому приему, который оказанъ ей англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ. За ничтожными исключеніями англійская пресса не только въ Лондонѣ и остальной Англии, но и въ Ирландіи, Австраліи, Индіи, Канадѣ, рекомендуетъ эту книгу своимъ читателямъ какъ источникъ свѣдѣній о большеишскомъ опытѣ въ Россіи — «исчерпывающій», «авторитетный», «безпристрастный», «замѣчательный», «необходимый въ каждой хорошо оборудованной библіотекѣ» и проч.

На протяженіи послѣднихъ 3 — 4 лѣтъ съ англійскимъ организованнымъ общественнымъ мнѣніемъ въ отношеніи взглядовъ на большевизмъ въ Россіи происходитъ метаморфоза. Еще такъ недавно то время, когда делегация англійской рабочей партіи (1920 года) утверждала, что никакой другой альтернативы большевицкаго правительст-